

ГАСТРОЛИ АМУРСКОГО ОБЛАСТНОГО ТЕАТРА

ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ ЛЮБВИ

Если бы у нас появилась возможность сравнить первые спектакли по пьесам американского драматурга Юджина О'Нила на советской сцене (в середине двадцатых годов трилогию «Косматая обезьяна», «Негр», «Любовь под вязами» поставил в Камерном театре А. Таиров) с нынешними, то, наверное, стало бы очевидно: теперь играют жестче, так сказать, социально более выражено.

Это понятно. С дистанции лет многое проясняется, и время, говорит пословица, — честный человек. Пьесы О'Нила не сходят с афиш — значит, театр по-прежнему находит в них что-то очень важное для современников.

...Первое слово, которое звучит со сцены, — «красота». Братья Симеон и Питер Кэбботы восхищаются землей, на которой родились и прожили уже немало лет. И... проклинают эту землю, эту ферму, ради процветания которой их отец Эфраим Кэббот заставлял их трудиться в поте лица, без выходных и праздников. Они трудились, а работа давным-давно перестала для них быть — исполненной радостью. «Каторга не там, где работают киркой. Она ужасна не тем, что это тяжелый труд. Каторга там, где удары кирки лишены смысла, где труд не соединяет человека с людьми», — это Сент-Экзюпери.

«Любовь под вязами» Амурского областного театра драмы — спектакль об одиночестве. Первозданный, чувственно-конкретный мир, пронизанный запахом земли, шорохом ветвей, золотыми отблесками солнечного света, мир, построенный театром на основе замысла драматурга, свидетельствует о трагической отторгнутости людей друг от друга, от природы, от ее естественных и мудрых законов.

Эфраим Кэббот в исполнении народного артиста РСФСР Л. Спасского — страшная фигура. Ощущается в нем первобытная сила страсти, но сила эта — гибельная, омертвелая цинизмом, отравленная всеми прелестями «цивилизации» Дальнего Запада: жаждой обогащения, расовой розню, культом многозарядного револьвера. В глубинах смятенного сознания Кэббота — Спасского все время бьется мысль

об одиночестве. Но именно в глубинах... Внешне он и на восьмом десятке лет вел такой же образ жизни, что и в юности. И иллюзии сохранил те же. Последняя его иллюзия — о том, что любовь, как и многое другое, можно купить, — становится завязкой трагедии.

Мне представляется, что в целом удачно решили свою непростую задачу артисты Л. Зиновьева и П. Мутин, исполнители ролей Эбина и Абби. Сложность заключалась, на мой взгляд, в том, чтобы не допустить фальши в психологическом рисунке ролей. Дело в том, что переход от взаимной неприязни к любви происходит неоднозначно, порывами. В этом старом сюжете любви мачехи и пасынка (известном еще с античных времен) актерам надо было выявить то, чем «окрасила» его буржуазная действительность. Социальный подтекст звучит тут особенно четко: чистая, настоящая любовь невозможна там, где отношения людей извращены измененными инстинктами, духом «золотого тельца».

Абби убивает своего ребенка, и этот чудовищный акт и есть ее «возвращение к себе», это и есть непомерная плата за любовь. К гармонии в душах Абби и Эбин пришли через кровь невинного существа — это ли не показатель гнилости окружающего их мира?

Может быть, из-за сделанных в пьесе купюр не столь рельефно удалось обрисовать артистам В. Кашуро и С. Харисову образы Симеона и Питера. Отнюдь не самым убедительным выглядит и художественное оформление спектакля. Во всяком случае, оно ничего не добавляет к нашему впечатлению о происходящих на сцене событиях, оно, если можно так сказать, пассивно.

Пьеса О'Нила, видимо, привлекла театр сочетанием глубокого социального анализа, верности повседневности реалиям человеческого существования с высокой силой поэтического обобщения, метафоричностью образного строя. Премьера спектакля состоялась совсем недавно, зимой этого года. Он только начал свою жизнь и, значит, будет совершенствоваться.

Н. СКОРИЧ.